Вестник АГУ им.Абая. Серия «Психология». №1 (2). Алматы,2003

КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:
исторические предпосылки новых парадигм

В.В.Агеев. Заведующий кафедрой психологии, Академия «Престиж»

Современные споры о будущем психологической науки, как правило, сосредоточены вокруг проблемы соотношения естественнонаучной и гуманитарной парадигм [1][2][3][4]. Но невнятные, часто непродуктивные и зачастую чересчур эмоциональные позиции оппонентов пока не проясняют в должной мере как необходимости отказа от естественнонаучной парадигмы, так и возможные перспективы не-естественнонаучных парадигм. Развести и, тем самым понять, их стратегические возможности можно только за счёт анализа общих оснований и сравнения парадигм по этим общим основаниям. С нашей точки зрения, такими общими основаниями могут стать модели «человека и мира» [5] и типы детерминации человеческого существования, которые в явном или неявном виде обязательно представлены в каждой из них.

Обе парадигмы предполагают соответствующие критерии для оценки адекватности знаний и способов существования человека. В первом случае преимущество отдаётся объективным критериям и адаптивным способам существования [6], во втором – субъективным критериям и рефлексивным способам существования [7]. Объективность критериев предполагает независимость существования предметного мира от сознания индивидуального человека и зависимость способов существования человека от способа существования предметного мира.

Необходимо отметить, что естественнонаучность и объективность в каком-то смысле могут считаться синонимами. Как известно из истории естественной науки, объективные критерии являются следствием эмпиризма естественных наук [8]. Эмпиризм естественнонаучной психологии тоже исходит из кажущейся очевидности факта независимости социальных детерминант существования единичного человека от продуктов его индивидуальной деятельности [9]

Эта кажущаяся очевидность, на самом деле, чревата далеко идущими методологическими последствиями, поскольку, на самом деле, утверждает адаптивный характер человеческого существования как единственно возможный [10][11]. Для наук о природе такая позиция ещё может быть приемлема (что, однако, тоже не так уж очевидно), но для наук о человеке это утверждение в наше время представляется неприемлемым.

Предположение об объективности предметного мира основано на допущении различной природы единичного (явления) и общего (сущности). Аналогично, предположение об объективности человеческого существования основано на допущении различной природы индивидуального и социального. Критерий объективности всегда означает утверждение первичности общего. При этом предполагается, что общее есть детерминанта единичного, но единичное вовсе не является детерминантой общего.

Нетрудно убедиться, что такая позиция выражена буквально во всех естественно-психологических концепциях органической, социально-динамической и культурно-исторической ориентаций [12].

В естественнонаучной психологии, рассматривающей психику как гносеологическую категорию, предполагается, что общее (сущность) актом познания не творится, а «проявляется» в реальности единичного явления за счёт превращения его реальной формы в идеальную [13].

В естественной психологии под сущностью понимается всеобщая форма *казуального отношения* [6][9]. А причина является тем средством, которое превращает общую форму казуального отношения (возможность) в её реальность.

И если реальность любого единичного причинного отношения детерминирована общей возможностью и осуществляется на основании логики восхождения «от сущности – к явлению», то естественнонаучное познание как способ открытия человеком общего в единичном явлении идёт обратным путём, на основании логики восхождения «от явления – к сущности».

Для естественнонаучного способа познания исходным является реальность человека как единичного эмпирического факта [14]. И вот здесь-то, как раз в момент регистрации этого самого, вроде бы объективного, т.е. не зависящего от индивидуального сознания, реального эмпирического факта и происходит позитивистическая мистификация.

Мистификация эта заключается в том, что действительным способом возникновения эмпирического факта является полагание в эмпирическую чувственность *априорного знания* [15]. Именно в результате этого полагания и возникает явление эмпирического факта. Но если это на самом деле так, то таким образом зарегистрированный факт уже не может быть признан объективным, поскольку, по существу, становится явлением сознания самого исследователя (точнее, научной парадигмы, которую он осуществляет).

Таким образом, можно утверждать, что эмпирический факт – это не «чистое» объективное явление, происхождение которого не зависит от индивидуального сознания исследователя, а чувственная (единичная) *форма априорного знания*. Миф об объективности эмпирического факта в позитивизме как раз и связан с тем, что в естественнонаучном познании выпадает из анализа как сам способ познания, так и само априорное знание, в то время как оно определяет «как закон» и способ естественнонаучного познания, и его результат.

Важность априорного знания для естественнонаучного исследования невозможно переоценить, поскольку априорное знание есть форма общего, задающая *априорное содержание* любой чувственной формы реальности. На самом деле эмпирический факт – это единство *идеальной формы предметного мира* (априорного знания) и *реальной формы предметного мира* (единичного явления предметного мира). При этом определяющим в этом единстве всегда является *априорное знание*, а единичное явление только тогда превращается в эмпирический факт, когда принимает *общую форму*, задаваемую *априорным знанием*.

В связи с этим, можно сказать, что естественнонаучное познание, на самом деле, является ничем иным, как способом подтверждения исходной априорной предпосылки [15]. Считается, что это подтверждение осуществляется за счёт эмпирического обобщения [16], результатом которого всегда является именно та сущность, которая имплицитно уже присутствует в исходном априорном знании.

Таким образом, в естественнонаучном исследовании априорное знание (каузальная сущность) является тем исходным моментом, а вместе с тем, и конечным пунктом, пределом и ограничением, которые задают границы возможности самого естественнонаучного метода.

И самым главным пределом естественнонаучного метода является причинный тип детерминации. Т.е. *объектный* («объективный») характер отношения общего и единичного. Естественнонаучный метод – это метод, который основан на рассмотрении общего как объективного (как объекта), т.е. независимого от единичного. Это фундаментальное положение является методологической основой всей естественнонаучной психологии.

С этой точки зрения, существенной особенностью естественнонаучной модели «человек-мир» является причинно-следственное (*объектное*) отношение социального и индивидуального [17]. Это отношение реально осуществляется в причинно-следственном отношении социальных индивидов (социальном общении) как социальных причин и социальных следствий [18]. Таким образом, пределом возможности социального индивида и, одновременно, предметом естественнонаучной психологии, является причинно-следственное отношение социального (общего) и индивидуального (единичного).

Если попытаться проанализировать психологическую природу самой причинной детерминации, то предварительно можно сделать следующие выводы.

Во-первых, причинное отношение есть непосредственное отношение, т.е. отношение, предметом которого является результат, а не способ его получения. Тем самым, можно сказать, что причинное отношение является адаптивным отношением. Адаптивным в том смысле, что оно воспроизводит (репродуцирует) самоё себя, поскольку не становится собственным предметом изменения. Причинное отношение – это отношение, способ осуществления которого никогда не становится его собственным предметом.

Во-вторых, причинное отношение есть способ воссоздания свойств причины в свойствах следствия. Поэтому причинное отношение является способом трансляции (репродукции) имеющихся свойств и качеств на всё пространство взаимодействия, но не способом генезиса новых свойств и качеств. Если в истории развития предметного мира всё-таки такое качественное изменение и происходит, то не за счёт причинного механизма.

В-третьих, причинно-следственное отношение является содержательной основой всей естественнонаучной методологии, в целом, и естественнонаучной психологии, в частности. В естественнонаучной методологии молчаливое признание причинного типа детерминации в качестве единственно возможного яв-

ляется тем априорным знанием, которое в рамках естественнонаучного метода не обосновывается и не рефлексируется [9]. И хотя это предположение всегда существует как неявное, непосредственное знание, происхождение которого находится за пределами самого естественнонаучного метода, на самом деле именно оно задаёт все параметры естественнонаучного метода.

В этом смысле естественнонаучный метод не может дать никакого нового теоретического знания, поскольку не может выйти за пределы собственных аксиом, собственного априорного знания, не может выйти за пределы заключённой в ней сущности. Это означает, что за пределами возможностей естественнонаучного метода всегда остаётся генезис нового качества и генезис новых типов детерминации. Тем самым, за пределами естественнонаучного метода остаются все истинные процессы генезиса (развития).

Попытка остаться в пределах естественнонаучного метода, но сделать предметом его рассмотрения процессы развития, приводят к тому, что вместо генезиса как способа происхождения нового качества, развитие превращается в процесс репродукции имеющегося качества во всё более обобщённых (общих) формах [19]. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что процессы естественнонаучного обобщения осуществляются в пределах одного и того же качества. То есть, естественнонаучное обобщение не является истинным механизмом генезиса.

Для современной психологии наступает время выбора. Приходится либо менять собственные основания и переходить на разработку генетической методологии, основанной на рефлексивном (неадаптивном) типе детерминации, либо продолжать совершенствовать причинно-следственную (естественнонаучную) парадигму [20]. И в этом смысле, как это ни странно, ни одна из двух конкурирующих отечественных психологических парадигм не сможет помочь: ни социально-рефлекторная психология С.Л.Рубинштейна [21], ни культурно-историческая психология Л.С.Выготского [22][23].

Парадокс заключается в том, что и та, и другая по своей природе являются естественнонаучными концепциями. Т.е. концепциями, в основу которых положен один и тот же естественный тип детерминации – причинный. Различие же их заключается в том, что в случае социально-рефлекторной психологии причинная детерминация имеет ярко выраженный относительный (вероятностный) характер, что даёт основание её приверженцам утверждать её субъектный характер [24][25][26], а в случае культурно-исторической психологии причинность носит абсолютный (нормативный) характер и действует, игнорируя вероятностные законы [27]. Это даёт основание говорить о культурно-исторической психологии как объектной концепции.

Но ни относительный (вероятностный) характер социально-рефлекторной «субъектной» психологии, ни абсолютный (нормативный) характер культурно-исторической «объектной» психологии не изменяют адаптивной сущности причинной детерминации. То есть, на самом деле, не естественнонаучное содержание не преодолевается ни в одной из этих концепциях.

Нам представляется, что решение проблемы следует искать за пределами причинного типа детерминации, и в этом смысле представляется перспективной дальнейшая разработка представления о человеке как опосредованном существе, сложившегося в культурно-исторической психологии. Основанием для такого вывода могут служить результаты генетического анализа истории развития форм и содержаний предметного мира. Главным из них для нас является представление о том, что возникновение человека как опосредованного (рефлексивного) существа знаменует собой новую эпоху в развитии всего предметного мира, новый тип развития природы.

В этом смысле человек как «искусственное» существо отрицает естественные формы существования и причинную детерминацию как их методологическое содержание, и утверждает новый тип детерминации – рефлексивный (детерминацию будущим, которое самим им и производится). Поэтому можно согласиться с Пьером де Шарденом в том, что «человек есть рефлексия природы» [28].

Но этого мало. Понятие «рефлексия» существует и в естественнонаучной психологии [17][19][29][30][31]. Но там оно имеет сугубо гносеологическое содержание. Это отношение, которое возникает в результате онтогенетического развития и связывается с формированием рефлексивного сознания как особого способа отражения. Поэтому предельными возможностями рефлексивного сознания в естественнонаучной парадигме является знание причин собственного существования и способность их выбирать, но не порождать [26].

Проблему порождения детерминант собственного существования можно решить, только рассмотрев рефлексию как онтологическую категорию [32]. Именно такая (или подобная) логика рассуждения характерна для некоторых современных психологических концепций развития [33][34][35].

Для такой точки зрения есть свои исторические основания. А именно, если последовательно придерживаться материалистической традиции, то в результате генетического анализа выясняется, что сущностью материалистической парадигмы является рассмотрение природы как единственной детерминанты собственного развития. При этом особенность всех её естественных форм заключается в том, что они не выражают рефлексивно-онтологической сущности целостного предметного мира, а являются как бы подготовительными, предварительными, предысторией.

Это происходит потому, что адаптивное содержание естественных форм предметного мира противоречит его же рефлексивной сущности как качественно обновляющейся (развивающейся) действительности. Это противоречие и движет развитием естественных форм, но их собственным способом существования остаётся воссоздание (репродукция) возникшего качества.

Но в истории наступает критическое время, и развитие приобретает продуктивный характер. Это время приходит с возникновением человека. Только рефлексивная сущность человека (а именно, предметная деятельность как рефлексивная категория) совпадает с рефлексивной сущностью самой природы (креативностью; качественным самообновлением) [36]. Таким образом, человек

– это существо, которое не осуществляет, а производит собственную сущность, то есть существует таким же способом, как и предметный мир в целом.

Но такой человек не может быть предметом естественнонаучной психологии. Нужна иная психология, культурно-генетическая, предметом которой является рефлексивное (субъект-субъектное) содержание отношения «человек-мир», в котором человек занимает ключевое, генерирующее место, в отличие от адаптивной психологии, предметом которой является адаптивное (субъект-объектное) содержание отношения «человек-мир» и человек, являющийся производным от природы, социума или культуры.

Собственно говоря, идея культурно-генетической психологии вырастает из идеи культурно-исторической психологии. Опосредованность существования человека, заявленная в культурно-исторической психологии [37], и доведённая до логического завершения, закономерно приводит к культурно-генетической психологии.

Главным её отличием от культурно-исторической психологии является то, что общее в виде социально-культурных норм, имеющее в культурно-исторической психологии тотальную природу, теперь в культурно-генетической психологии должно быть представлено не в качестве тотальной причины индивидуальности, а в качестве продукта её индивидуальной деятельности и, одновременно, как её же рефлексивная детерминанта. Очень похожие мысли высказывает В.Т.Кудрявцев, излагая свою концепцию детского культуротворчества [34] и Б.Д.Эльконин в своей концепции идеальной формы [38].

В этом смысле проблема самой культурно-исторической психологии, несмотря на её кажущуюся «генетическую» форму, заключается в её естественнонаучном методологическом содержании. Этим содержанием, как ни странно, является известный метод восхождения от абстрактного к конкретному [16]. Его кажущаяся противоположность естественнонаучному индуктивному методу основана на настойчивом акцентировании исходной целостности, в то время как естественнонаучный метод делает противоположные акценты.

На самом же деле, и индуктивный метод, имеющий эмпирическую природу [8], и метод восхождения, имеющий рациональную природу [39], - это две стороны одной естественнонаучной медали. *Эмпирическое обобщение* [16] как содержание индуктивного метода, идущее от единичного к общему, обязательно предполагает априорное и по своей природе *не эмпирическое* знание как конечный пункт своего пути (имплицитно присутствующее общее). А *теоретическое обобщение* [16] как содержание метода восхождения, идущее от общего к единичному, в форме абстрактного на самом первом шаге обобщения в явном виде и прямо задаёт конечный пункт такого восхождения.

Явная и неявная формы априорного общего как конечного пункта естественнонаучного познания – в этом и заключается, на наш взгляд, разница между естественнонаучной индукцией и естественнонаучной дедукцией (между восхождением от единичного к общему и восхождением от общего в единичному). Следовательно, требуется другой - генетический - метод, где общее как детерминанта развития должно стать не только предпосылкой, но и продуктом инди-

видуальной деятельности. А сама индивидуальная деятельность в этом случае должна быть понята как индивидуальная форма универсальной логики развития природы.

Это возможно, если предположить исходную рефлексивность человека [32], являющуюся его культурно-генетической природой, понять рефлексию как механизм его онтогенетического развития, действующего с самого начала его индивидуальной жизни и не прекращающей действовать и после его «физической» смерти. Генетическая рефлексия есть способ существования неадаптивного человека, неадаптивного в том смысле, что он уже не является социальным средством осуществления причинного механизма, а является автором детерминант собственного существования, которое есть универсальное развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Розин В.М. Психическая реальность, способности и здоровье человека. М.,2001
2. Юревич А.В. «Онтологический круг» и структура психологического знания // Психологический журнал. N1,1992
3. Юревич А.В., Цапенко И.П. Функциональный кризис науки // Вопросы философии, 1998,№1
4. Юревич А.В. Системный кризис в психологии. Вопросы психологии, 1999,№2
5. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.,1997
6. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб.,2000
7. Арсеньев А.С. Философские основания понимании я личности. М.,2001
8. Франциск Бэкон Веруламский. Новый органон. Л.,1935
9. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.,2000
10. Хамидов А.А. // Диалектическая логика, т.2. Алма-Ата,1987
11. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.,1997
12. Ноэль Смит. Современные системы психологии. СПб.,2003
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.,1975
14. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.,2001
15. К.Поппер. Объективное знание. М.,2002
16. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М.,2002
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.,2002
18. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб.,2001
19. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.,1996
20. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб.,2001
21. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.,1973
22. Выготский Л.С. История развития высших психических функций.СС.т.3. М.,1983

23. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. СС,т.1. М.,1982
24. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.,1991
25. Абульханова-Славская К.А. Диалектика человеческой жизни. М.,1977
26. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.,1980
27. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.,2000
28. Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М.,2002
29. Степанов С.Ю., Семёнов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. №3.с.31-40.1985
30. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивные процессы и творчество. Психологический журнал. N1,1991
31. Алексеев Н.Г. Рефлексия ми сознание // Категории, принципы и методы психологии. Тезисы к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М.,1983
32. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.,1995
33. Слободчиков В.И. Психология развития человека. М.,2002
34. Кудрявцев В.Т. Психология развития человека. Рига,1999
35. Эльконин Б.Д. Психология человека. М.,2002
36. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.,1997
37. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка. СС,т.6. 1984
38. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. М.,1994
39. Гегель. Феноменология духа. т.IV. М.,1959

АННОТАЦИЯ

Естественнонаучную и генетическую парадигмы психологии следует различать по их методологическому содержанию. В качестве такого содержания предлагается тип детерминации. В связи с этим, естественнонаучной парадигме приписывается причинный (адаптивный) тип детерминации, а генетической – рефлексивный (неадаптивный).

ABSTRACT

Natural-science and genetic paradigms of the psychology should be differed under their methodological contents. As such contents the type determination is offered. In this connection, natural-science paradigm is attributed causal (adaptive) type determination, and genetic - reflexive (not adaptive).

АННОТАЦИЯ

……
……
……
……
……